

ПОСЛЕСВАДЕБЬЕ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ МИЛЛЕРОВСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА УКРАИНСКОМ ФОНЕ*

Миллеровский район, расположенный на северо-западе Ростовской области (далее – РО), – один из регионов компактного проживания малороссов на территории бывшей области Войска Донского. Сюда переселялись крестьяне – выходцы из восточной Украины [1]. Жители данного района до сих пор осознают свою связь с восточнукраинской культурной традицией, называют себя не казаками, а «хохлами», говорят на диалекте, имеющем украинскую основу.

Основным источником исследования являются полевые материалы, собранные в Миллеровском районе РО в 2011–2012 гг. во время совместных этнолингвистических экспедиций факультета филологии и журналистики Южного федерального университета и Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. В ходе экспедиций были обследованы следующие населенные пункты: станция Мальчевская, слобода Колодези, слобода Криворожье, слобода Кудиновка, слобода Никольская, слобода Позднеевка, село Ольховый Рог, хутор Каменка, хутор Мельничный.

В данной работе мы обратимся к заключительному этапу свадьбы Миллеровского района РО с тем, чтобы проследить преемственность и динамику народной культуры потомков малороссийских переселенцев в сравнении с материалом материнской культуры восточных областей Украины. Свадьба в этом смысле – один из наиболее показательных обрядовых комплексов, поскольку он хорошо сохраняется в памяти информантов и занимает центральное положение в системе семейных обрядов. Украинская свадьба, по мнению Д.К. Зеленина, наиболее полно среди восточных славян сохранила архаические элементы, утратившиеся или замененные новациями у русских [2]. Заключительный этап ритуала, называемый исследователями «послесвадебным», «концом свадьбы», охватывает комплекс обрядов и ритуальных действий, завершающих свадебный обряд, и включает очистительные, испытательные и посвятельные ритуалы, взаимные визиты родственников, игры, шутовство и бесчинства ряженных [3].

На этапе послесвадебья у всех славян проводятся обрядовые действия, связанные с ритуальным очищением молодых, их родителей и гостей. Очистительный обряд на исследуемой территории связан с умыванием невесты или обоих новобрачных на второй день свадьбы: *Таг жы на другый дэнь нивэсту выдуть умывать, до рэчки, до че. Ну, нима рэчки, до колонки выдуть, вот. Поумываль, с флагом то ш, чи чэсна, чи, нычэсна* [4]**. Ритуальное омовение новобрачных водой – общий для восточных славян элемент свадебного обряда [5]. В западных областях Украины на второй день свадьбы молодые умывались в реке [6]. В Черниговской губернии новобрачных вели к кринице или к колодцу, там их умывали и обливали водой землю около их ног [7]. В Полтавской

* Работа выполнена в рамках проекта «Русско-украинские культурные связи в XIX–XXI вв.: история, проблемы, перспективы» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности»

** Здесь и далее диалектные тексты приводятся в облегченной орфографической записи; особые знаки не используются; знаком ʒ передается g-фрикативное.

губернии утром после брачной ночи молодые шли к колодцу, где они умывались и вытирались платками, которыми были покрыты их головы [8].

Испытательные обряды, связанные с проверкой хозяйственных способностей невесты, можно в то же время рассматривать и как ее вступление в статус замужней женщины, хозяйки дома. В Миллеровском районе РО на второй день свадьбы молодая *мазала* (*шпаровала*) *печь* (*кóмин*), на которой во время обряда даров записывали подаренное молодым: *Цэ ш ужэ на другый дэнь пэчку выма́зывали, шоп, як нивэста побілэ, знать, работя́ца нивэста или не. То оптира́лы грэсь ис сапо́х, или обдира́лы там шо-нибу́ть, шоп нивэста потóm мазала, оні шоп узнáлы, она́ хозяйка или нэ хозяйка* [9]; *Ой, та було́ и пы́шуть на тэй, на стині, цэ в мэ́нэ начали́ былы́ пыса́ть, шоп та ниві́ска ж мазала. Цэ ж накаля́кают, на́да ш штоб знáлы, она́ чи вме́е ма́затъ, чи ни (...)* *А ты должна́ и шпарова́тъ, и побилы́тъ* [10]. Как известно, у славян печь играет особую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе символику центра и границы, а также воплощает идею полноты и благополучия дома как источник пищи и домашнего огня [11]. Поэтому испытание новой хозяйки в семье закономерно связано с приведением печи как «женского» места в доме в порядок после свадьбы. С этим эпизодом свадьбы соотносится распространенное в украинской свадьбе «колупание» печи девушкой во время сватовства, которое демонстрирует ее согласие на брак [12]. В Луганской области Украины обдирание печи имело другую обрядовую семантику: оно являлось знаком того, что невеста не сохранила девственность до свадьбы, а «мазание» ее молодой было наказанием за это [13]. У украинцев Воронежской и Луганской областей хозяйственные умения молодой проверяли, заставляя ее замазывать стену [14]. С печью связаны и другие испытательные обряды для невесты у русских, сербов, хорватов, словаков [15].

Еще один вид испытания новобрачной на исследуемой территории – ощипывание курицы для приготовления лапши: *Цэ ж Натáлья на другый дэнь, нивэста, скубэ́ ку́рицу (...)* *Оцэ ж рубáют курэ́й и показуи ниві́ста, чи мо́жэ ниві́ска па́тратъ ку́рицу, оцэ́ ж она́ сади́цца, скубэ́́ ку́рицу* [16]. В свадебном обряде курица наделяется брачно-эротической символикой и ассоциируется с невестой, поэтому с ней связаны многие ритуальные действия, обрядовые блюда, она упоминается в различных словесных формулах. Параллелей такому способу испытания хозяйственных способностей новобрачной в украинской традиции нам пока обнаружить не удалось, однако можно отметить, что в Сербии считали, что девушка не может выйти замуж, пока не научится разделывать курицу [17].

Конец свадьбы в Миллеровском районе РО, как и во многих восточных областях Украины, знаменуется ритуальными бесчинствами ряженых. На исследуемой территории участники обряда чаще всего переодевались в цыган, а также в жениха, невесту, беременную женщину, коня, доктора, в нечистую силу: *А як на свáйби, на тэ́ бáчи свáйба, цэ́ мо́жна робы́тъ, и нарижа́цца, и гада́тъ, и цыга́нкой. А тоді́ у нас он ужэ́ она́ свáйба, цэ́ у нас обы́чий, не у нас, а прыгасы́лы сваты́ нас. Так одна́ там нариды́лась, як то ничы́ста, як и с хвостóм* [18]; *Тоді́ ба́рышни нарижа́лыся фся́кы, оцэ́ бывало́, шо чоловíк наря́дыцца коня́кой, як оны́ там дэ́ колы́ шо, идэ́ вин коня́ка, лоша́тъ и фсэ́. Оцэ́ я знаю́, шо у нас свáйбу як гуля́лы* [19]. Из первого приведенного текста следует, что носители традиции воспринимают переодевание и шутки, его сопровождающие, на данном этапе свадьбы как данность, присущую обрядовой реальности. Исследователями традиционной культуры славян замечено, что такое поведение ряженых, связанное с временным снятием запретов, контрастирует с общепринятыми норма-

ми, но при этом «утверждает возврат к норме, предваряя собой вступление в силу обновленных структурных связей в социуме» [20]. В восточноукраинской свадьбе отмечено изображение ряжеными не только цыган, но и других представителей «чужой» этнической среды. Так, в Полтавской губернии на третий день свадьбы одевались «москалями», «жидами», в Черниговской губернии – «жидами», «панами», «москалями» [21]. Ряжение конем и врачом распространено у всех восточных славян, нечистой силой – у украинцев [22].

Бесчинства участников данного обряда заключаются в краже кур (реже других продуктов) во дворах односельчан: *Отó кур, як катáють, як наря́жъни, як катáють, йй́дуть, и отó ш ха-ха́, дывлю́цца, ф сара́и шось, агá, забигá ф сара́й, схватй́в, и ха-ха́ ш и йй́дуть* [23]. Кража продуктов «цыганами» совершалась также в Полтавской и Луганской областях [24].

По другим свидетельствам, ряженные берут кур только у тех, кто был приглашен на свадьбу: *Ну, я так понилá, шо нарижáли и цыгáни, и фсáкии. Ф кáждый двор там заходíл, я понилá, там где рóтцвиники. Откúда бутýлку молóкá в́инисуть, з другóго двора́ кабáк в́инисуть, то кúрицу, хто шо. Я понилá, шо в́идно рóтцвиники, там договóрино вжэ́* [25]. На востоке Украины также распространен обычай собирать продукты для продолжения свадьбы участниками обряда в складчину [26]. Из собранных продуктов в Миллеровском районе готовили горячий суп – *лашиу, шулюн. Шулюн (шулюм)* – блюдо, известное донским казакам и, вероятно, заимствованное в результате контактов с тюркскими народами [27]. В Шолоховском районе РО *шулюн* или *лашиу* готовили на второй день свадьбы [28]. В Полтавской губернии из кур, принесенных гостями в понедельник после свадьбы, варили *кандюбу* (вид каши), в Луганской области на второй день готовили *кулиш* (густой суп на курином бульоне) [29].

С переодеванием на послесвадебном этапе связано разыгрывание шутовской, пародийной свадьбы: *(В кого наряжались?) Та ф кого т́ики не, и в нивéсту, и в жыныхá ш нарыжáлись, и в д́октора. Свий был жыных́ и нивéста, и д́октор, и цыгáны, и ф кого т́ико. (Почему наряжались в жениха и невесту?) Врóди, своя́ свáдьба у ряжыных́, врóди, он́и д́елают так, врóди, у них своя́ свáдьба. Ну, в основнóм в нивéсту нарижáлся мужы́к, а у жыныхá бáба, ну, для прыкóлу* [30]. Если в обряде исследуемой территории, как и в восточных областях Украины, пародийная свадьба связана только с образами жениха и невесты и не содержит развернутых «сюжетов», то в Житомирской области ряженные изображали и других участников обряда и разыгрывали основные эпизоды свадьбы [31].

Бесчинства ряженных в Миллеровском районе РО связаны также с катанием матерей жениха и невесты на тачке к реке и их купанием: *Вóзят, купáют. Назывáицца, купáни. Цэ́ в нас тóжы есь. Еси́ где набóльшы грáзи, набóльшы лúжы. И от нашил́ там и купáют, абó прям пат калóнкáй купáют. Ну, кагда́ как, где как шо. Тáчку спицáльна такúю найдут, шо ёли-ели, пэрэв́рнуть и упад́и там, фсё́ для смéху* [32]. С другой стороны, данный ритуальный акт можно рассматривать и как очистительный ритуал для родителей новобрачных, которые также переходят в иную социальную группу. Однако анализ данного этапа в контексте антисвадьбы позволяет заметить в нем пародию на свадебную процессию первого дня ритуала. Это отчетливо видно на фоне материнской традиции восточной Украины, где катание родителей молодых распространено повсеместно. Вместо обычных средств передвижения используются *возок, тележка* (в украинской традиции это может быть борона, корыто, колючая ветка и т.п.), катают не жениха и невесту, а их родителей (в украинской свадьбе они иногда изображают новобрачных), ритуальное очищение чаще всего связано не с умыванием

или мытьем главных участников обряда, а «вываливанием» их в реку, пруд или даже ближайшую лужу.

Молодые могут выкупить родителей у ряженных, как и в восточноукраинском обряде [33]. В Миллеровском районе РО записаны тексты не только о выкупе молодыми матерей, но и о том, что теща и свекровь могут избежать купания, убежав или спрятавшись от ряженных: *Цэ обычий и ранышы був, свикруху и нивэстыну мать вызуть купать, нарижающца. Та цэ и мэне вóзылы. А тоді та свикруха чи мáти должна тика́ть. А я тика́ла, а та сыды́ть, сва́ха, она́ ж нэ зна. А я цэ зна́ю* [34]. На других территориях параллелей этому обрядовому эпизоду не удалось обнаружить.

На исследуемой территории шутки ряженных заключались также в имитации подковывания тещи: *Свикруху купáлы, а тещу кувáлы (...)* Два выдуть, напрымёр, два парня, а одын там с молотком, ногу поднимають, ото бьют по том. Идэ, идэ, опя́ть бьют, шоб бигала пэрэт тым, пэрэт зы́тим бигала шоп пидкóвана, шоп нэ падала [35]. Обряд «подковывания» свекрови зафиксирован в Луганской области, в Полтавской области ряженные «подковывали» каждого гостя [36].

Обряд, завершающий свадебный цикл в Миллеровском районе, – *забивание чóпа (чипа)*, который совершался у родителей жениха при женитьбе последнего сына в семье: *Пóсли сва́дбы чоп забива́ють, ёсли сын у мэне послéдний. Вот у нас, мы внука жынылы, вин жэ в нас жил внук, вот мы отут от забывáлы чоп, во дворе (...)* Выка́пнють ямку, находя́ть отакэ, штырь такый дэрэвяный, и забыва́ють, лютть вóду, а тут кругом отут, прыбыва́ють, вода́, вода́, кругом шлэпають, грязь, фси грязны. Наоборот спицáльно так и дéлають [37]. С одной стороны, данный эпизод пронизан тем же весельем, что и бесчинства ряженных, а с другой, он является знаком того, что родители уже выполнили свои родительские обязанности и свадеб в этом доме больше не будет. Понимание этого сохраняется даже на современном этапе: *Хто послéдний ужэ жэ́ница, так забива́ют чип, шоп ужэ бо́льшы ни сходи́лись, ни расходи́лись. Тако́й был обы́чий* [38]. Вбивание в доме или во дворе женившихся последнего ребенка затычки, называемой *чоп, чип, кіл, кілок, клин, клинок, прикорень*, распространено повсеместно в восточных областях Украины [39].

Таким образом, послесвадебье в традиции потомков малороссийских переселенцев Миллеровского района РО характеризуется развернутой структурой и хорошей сохранностью многих обрядов в сравнении со свадьбой восточных областей Украины. Общий шуточный «тон» данного этапа свадьбы способствует воспроизведению многих из ритуальных актов вплоть до последних десятилетий и даже развитию новых обрядовых форм. В то же время носители традиции осознают общую семантику данного этапа ритуала как завершающего свадебный цикл и направленного на возвращение к повседневной жизни.

Примечания:

1. Власкина Н.А. Казачий бренд крестьянских поселений: вопросы идентичности и культуростроительства // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014 (в печати).
2. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 332–333.
3. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 530.
4. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (далее – ПМДЭЭ ЮФУ). Информатор Т.М. Ду-

- мина, 1928 г.р., записана в слободе Криворожье Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратели: Гревцова Т.Е., Карпун М.А., Шестак С.А.
5. Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 339.
  6. Гура А.В. Конец свадьбы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д–К (Крошки). М., 1999. С. 580.
  7. Литвинова-Бартош П. Весільні обряди і звичаї у с. Землянці Глухівського пов. у Чернігівщині // Матеріали до українсько-руської етнології / Под ред. Хв. Вовка. Львів, 1900. Т. 3. С. 160.
  8. Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Русским Императорским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Т. 1–7. Т. 4: Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. СПб., 1877. С. 592.
  9. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор О.В. Локтева, 1950 г.р., записана в хуторе Каменка Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратель: Гревцова Т.Е.
  10. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Е.Е. Безручко, 1932 г.р., записана в слободе Никольская Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратели: Гревцова Т.Е., Карпун М.А.
  11. Топорков А.Л. Печь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М., 2009. С. 39.
  12. Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 334.
  13. Магрицька І.В. Весільний обряд на Східній Слобожанщині: навч. посібник. Луганськ, 2011. С. 31.
  14. Христова Г.П. Свадебный обряд украинцев воронежских сел // Живая старина. 2009. № 4. С. 27; Магрицька І.В. Весільний обряд... С. 36.
  15. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 532.
  16. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор М.И. Утенкова, 1937 г.р., записана в станице Мальчевская Миллеровского района РО в июле 2011 г., собиратели: Архипенко Н.А., Власкина Н.А.
  17. Бушкевич С.П. Курица // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М., 2004. С. 60–61.
  18. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Е.Е. Безручко.
  19. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Е.Ф. Бандурина, 1930 г.р., записана в селе Ольховый Рог Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратель: Гревцова Т.Е.
  20. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 212.
  21. Весілля в селі Бориспіль Переяславського повіту Полтавської губернії. [Записав П.П. Чубинський] // Весілля. У 2-х тт. Т. 1. Київ, 1970. С. 144; Литвинова-Бартош П. Указ. соч. С. 170.
  22. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 211.
  23. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Т.М. Думина.
  24. Весілля в селі Бориспіль... С. 144; Магрицька І.В. Весільний обряд... С. 37.
  25. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Н.Т. Горобцова, 1927 г.р., записана в станице Мальчевская Миллеровского района РО в июле 2011 г., собиратель: Власкина Н.А.
  26. Весілля в селі Михайлівка Льовщина Олександрівського повіту Катеринославської губернії // Весілля. У 2-х тт. Т. 1. Київ, 1970. С. 439; Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. С. 149; Чубинский П.П. Указ. соч. С. 592; Литвинова-Бартош П. Указ. соч. С. 170.
  27. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 597; Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011. С. 678.

28. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор З.В. Великанова, 1939 г.р., записана в хуторе Кружинский Шолоховского района РО в августе 2005 г., собиратели: Власкина Н.А., Терскова Н.В., Шепеленко Т.Е.
29. Брюховець І. Весіле з Прилуцького пов., Полтавської губ. // Матеріали до українсько-руської етнології / Под ред. Хв. Вовка. Львів, 1919. Т. 19–20, С. 80; Магрицька І.В. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область). URL: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnuk.html> (дата обращения: 03.04.2012).
30. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор О.В. Локтева.
31. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 541.
32. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Р.А. Антоненко, 1935 г.р., записана в слободе Криворожье Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратели: Гревцова Т.Е., Карпун М.А., Шестак С.А.
33. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 541–542.
34. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Е.Е. Безручко.
35. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор О.Г. Ермашева, 1949 г.р., записана в селе Ольховый Рог Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратели: Гревцова Т.Е., Калиничева Н.В., Карпун М.А.
36. Магрицька І.В. Словник весільної лексики...; Щербань О. Весільний обряд у с. Великі Будища на Полтавщині // Кобза. Українці Росії. Незалежний сайт діаспори. URL: <http://kobza.com.ua/doslidzhennja/3536-vesilnyj-obrjad-u-s-velyki-budyshchana-poltavshchyni.html> (дата обращения 10.04.2014).
37. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Р.А. Антоненко.
38. ПМДЭЭ ЮФУ. Информатор Р.И. Ермашева, 1941 г.р., записана в селе Ольховый Рог Миллеровского района РО в июле 2012 г., собиратели: Гревцова Т.Е., Калиничева Н.В., Карпун М.А.
39. Гура А.В. Брак и свадьба... С. 542.

УДК 316.42+323.1(470.6)

М74

*Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона
в условиях роста напряженности»*

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. Матишов (отв. редактор),
д.философ.н. В.А. Авксентьев,
д.и.н. Т.П. Хлынина (зам. отв. редактора), д.и.н. Е.Ф. Кринко,
к.г.н. Е.Э. Кириллова, к.э.н. О.Ю. Патракеева

М74 Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 458 с. – ISBN 978-5-4358-0092-0.

Материалы сборника посвящены актуальным проблемам осмысления отечественного опыта модернизации полиэтничного макрорегиона. Особое внимание уделено современным подходам и методам к изучению процессов модернизации; вопросам, связанным с геополитической и социальной напряженностью в модернизирующемся обществе; комплексным исследованиям социальной и культурной динамики.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем заинтересованным читателям.

Материалы опубликованы с максимальным сохранением авторской редакции

УДК 316.42+323.1(470.6)

ISBN 978–5–4358–0092–0

© ЮНЦ РАН, 2014
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2014